

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

*Работа представлена кафедрой литературы
Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О. В. Бузюев*

В статье рассматриваются отличительные черты художественной интерпретации произведения древнерусской литературы в поэтических переложениях конца XIX – начала XX вв. Особое внимание уделяется жанровому, фабульному и мотивному уровням художественной структуры. Сравнительно-типологический анализ функционирования анализируемых произведений открывает перспективу их интерпретации в контексте общего развития отечественной поэзии первой половины XX века.

The article deals with specific properties of the fictional interpretation of the text of ancient Russian literature in the individual authors' versifications of the turn of the 20th century. Special attention is paid to the genre, plot and motive levels of the fiction structure. The comparative and typological method makes it possible to analyse the texts in the context of the main line of development of the Russian literature.

Объектом нашего исследования становится поэтическое наследие таких известных авторов конца XIX – первой половины XX в., как Д. С. Мережковский, М. А. Волошин и А. Несмелов. Каждому из них принадлежит крупное произведение (поэма), художественно осваивающее сюжет и образную систему «Жития». Цель работы: выявить художественную специфику авторской интерпретации «Жития протопопа Аввакума» в творчестве поэтов конца XIX – начала XX в. в аспекте принципов отбора эпизодов, ведущих мотивов и построения образа главного героя.

В своей статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» В. В. Виноградов отмечает: «“Житие” построено в форме речевой бесхитростной импровизации, “беседы”, “вяканья”... основной тон, в котором ведет повесть о своем житии протопоп Аввакум, – глубоко личный тон простодушно-доверчивого рассказчика, у которого рой воспоминаний мчится в стремительном потоке словесных ассоциаций и создает лирические отступления и беспорядочно-взволнованное сцепление композиционных частей»¹. Определение подобных композиционно-стилистических принципов построения тек-

ста приводит ученого к мысли о произвольности композиции «Жития». В последующие годы В. В. Виноградов приходит к убеждению об отсутствии в «Житии» «целостного образа героя» и вообще художественного единства: «Динамически сменяющиеся кадры бытового повествования прерываются унифицирующей проповедью»². А. Н. Робинсон в работе «Жизнеописание протопопа Аввакума и Епифания» говорит об «эпизодичности» композиции «Жития», построенной на принципе «дидактической иллюстративности»³. Свободное расположение эпизодов «Жития» отмечает также Д. С. Лихачев.

Однако, как утверждает Н. С. Демкова, свободное варьирование эпизодов в «Житии» подчинено строгой художественной необходимости, единому лиро-эпическому сюжету⁴.

В соответствии с требованиями агнографических жанровых форм событийный ряд «Жития» предваряется экспозицией. Обычно в ней сообщаются краткие сведения о герое: о его происхождении, существенных чертах внешнего облика, сфере деятельности⁵. Аввакум уже в экспозиции знакомит читателя со своими воззрениями, размышлениями и чувствами. Показатель-

ны в данном отношении два эпизода: первое столкновение героя со смертью и осознание Божественного присутствия в мире, а также эпизод в церкви, когда молодого священника во время исповеди охватывают греховные помыслы. Описание внутренних противоречий, обуревающих героя, резко контрастирует с жанровыми константами житийного канона.

Важна в композиционном отношении «сцена видения»: Аввакуму чудится корабль, украшенный «многими пестротами», на котором ему предстоит совершить жизненное «плавание». Д. С. Лихачев указывает на лейтмотивный характер этого образа⁶. Корабль – архетипический христианский символ жизненного пути, его украшенность («и бело, и сине, и черно, и пепелесо») являет то разнообразие жизни, которое ожидает героя в миру. Важно, что корабль в восприятии Аввакума прекрасен («ум человек не вмести красоты его и доброты»), что указывает на такие важные черты героя, как жизнелюбие, гуманизм, христианское принятие мира.

В композиционно-речевом строении произведения явно выделяются два типа повествования. Один тип обладает несомненными чертами летописного стиля, тяготеющего к монументальному историзму. Повествование в таких рамках точное, лаконичное, зачастую датированное, несколько напоминающее «погодную запись»⁷. Подобный способ повествовательной организации охватывает чисто внешний, фабульный уровень художественной структуры, строго фактическое течение бытия: «И сидел до Филиппова поста», «На весну паки поехали впредь».

Другой тип повествования, по мнению Н. С. Демковой, тяготеет к форме неких законченных новелл, знаменующих этапы нравственного совершенствования героя. В качестве примера исследователь приводит рассказ об аресте Аввакума и его заключении в Андроньевом монастыре⁸.

В качестве сюжетообразующих следует рассмотреть два эпизода с Анастасией Марковной, женой Аввакума.

Первый рассказ об Анастасии Марковне включен в описание тяжелого пятиндельного перехода по льду реки Нерчи на обратном пути Аввакума из Даурии. Центральную его часть составляет диалог Марковны и Аввакума, анализируемый практически во всех работах, посвященных «Житию»: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» – вопрошает обессилившая протопопица. «До самыя смерти, Марковна», – звучат ответные слова Аввакума. Тихим эхом вторит ему Марковна: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Помимо иллюстрирования стойкости духа героини данный эпизод подводит нравственный итог ссылки Аввакума. Событийный план повествования вновь переходит в символический.

Во втором рассказе об Анастасии Марковне – в диалоге Аввакума с ней по возвращении в «русские грады» и ее благословлении мятежного протопопа на борьбу с «ересью никониянской» – отражается важнейший момент окончательного неприятия героем «новой веры». С этого момента оформляется непримиримая позиция Аввакума, которую он занимает в сценах «московского бытия». Н. С. Демкова отмечает существенную роль эпизода в структуре сюжета: благословение Анастасии Марковны уподобляется былинному благословию героя на подвиг, что выражается и в особом складе речи («Что, господине, опечалился еси?»)⁹.

В дальнейшем рассказе о «темных сидениях» Аввакум также избегает детальных описаний, ограничиваясь беглыми упоминаниями о «темных полатках», и только эпизод заключения в Пафнутьевом монастыре описан достаточно подробно.

Примечательно, что в данном эпизоде исподволь меняется статус героя: теперь это стойкий борец и мученик за «старую веру», духовный отец многих выдающихся деятелей старообрядчества. В основное повествование вкрапливаются рассказы о Федоре Юродивом, Луке Мезенском, иноке Авраамии. Герой наделяется признаками святости: «светлые ризы», чудо исцеления келаря Никодима и т. д.

Кульминационная сцена «Жития» – Собор 1667 г., где протопоп произносит свою обличительную речь, излагая идеологическую концепцию старообрядчества. Аввакум выступает как пророк, один противостоящий целому сонму врагов, исповедующих ложные убеждения. В этом контексте закономерно обращает на себя внимание реминисценция сцены из Евангелия: сцены суда синедриона над Иисусом Христом.

Сюжет «Жития» завершается сценой заключения узников в земляную тюрьму, где Аввакум и его сподвижники поют хвалу христианской церкви. Ее можно рассматривать как дань житийному канону, равно как и рассказы о «бесноватых», заменяющие посмертные чудеса святого.

Вышеуказанные эпизоды в том или ином их сочетании составляют фабульную основу анализируемых поэтических произведений.

Следует отметить, что, обращаясь к материалу древнерусской литературы периода Раскола, названные выше поэты (Мережковский, Волошин, Несмелов) прежде всего подвергают скрупулезному исследованию процесс становления аксиологических основ внутреннего мира личности в условиях «смутного времени». Противоречия и драматические коллизии духовной жизни тех лет видятся в самой тесной связи с современностью и даже будущим. Как следствие, в поэмах сюжетобразующее значение приобретают провиденциальные мотивы, благодаря которым идейно-эстетическое содержание произведения вписывается в контекст философских и художественных открытий начала XX в. Это особенно справедливо для поэмы Мережковского и Волошина. У Несмелова лиро-эпический сюжет построен в большей степени на противопоставлении «предков» и «потомков». Поэтому избирается синтетическая форма повествования на стыке аукториальности и персональности: повествователь дистанцирован от описываемых событий, в то же время иногда возникает эффект его вписанности в контекст проис-

ходящего, как будто он является очевидцем всего происходящего:

Наших прадедов Бог по-иному ковал,
Отливал без единой без трещины.
Видно, лучший металл он для этого брал,
Но их целостность нам не завещана...

Повествователь претендует на знание мыслей и чувств героев, дает оценки их поступкам:

Ибо ведаешь ты, что становишься свят,
Что письмо, как Апостола чтение!..

Облегчения нет от такого письма,
Сердце чахнет и в горечи варится.
Одиночество жжет...

В повествовательной структуре поэмы Волошина и Мережковского доминирует точка зрения героя, композиционное целое выстраивается по ретроспективному принципу. Среди сюжетобразующих средств отметим общие для поэтов мотивы предания Отчизны произволу дьявольских сил, необходимости искупительной жертвы, образ грядущего «конца времен», реминисценции библейской книги Откровения Иоанна Богослова.

Но Господь за угнетенных в гневеправедном
восстал,
И прольется над землю Божьей ярости фиал.
Д. С. Мережковский

В небесном Царствии всем золота довольно.
Нам же, во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе, подобает
Страдати неослабно.

М. А. Волошин

Первая глава поэмы Мережковского открывается обличением «ереси никонианской», где лирический герой предстает как пророк, посланец Божий:

Горе вам, Никониане! Вы глумитесь над
Христом, –
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да
кнутом!

Аввакум дает формулировку «греха» приверженцев церковных реформ: утверждение новой веры неприемлемыми с точки зрения христианства методами – насилием. В поэме Волошина: « – Чудно! Огнем, кну-

том да виселицей / Веру желают утвердить.
/ Которые учили так – не знаю, / А Христос
не так велел учить». Размышления Авваку-
ма о ценности в глазах Бога жизни всякого
создания, будь то зверь, птица или человек,
в поэмах представляют один из основопо-
лагающих композиционных моментов. У
Мережковского это кульминационный этап
духовной эволюции героя, ведущий его не
только к осознанию сущности христианс-
кого идеала, но и к безусловному приятию
его как жизненной нормы:

Вы простите, не сердитесь, – все мы братья
о Христе,
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на
Кресте.
Так возлюбим же друг друга, – вот после-
дний мой завет.
Все в любви, – закон и вера... Выше запове-
ди нет.

Для Волошина в большей степени важен
обличительный пафос данных размышле-
ний, выраженный в метафорических срав-
нениях.

И все то у Христа для человека наделано,
Его же дни в суете, как тень, проходят:
Он скачет, что козел,
Съесть хочет, яко змий,
Лукавствует, как бес.
И гневен, яко рысь...
Аз паче всех есмь грешен.

У Несмелова Аввакум занимает позицию
непреклонного борца, в самых «муках крест-
ных» видящего свой земной долг. И здесь в
фокусе художественного исследования оказы-
ваются два типа святости, воплощенные в
образах главного героя и его супруги. В сво-
ей монографии «Поэзия Арсения Несмело-
ва» О. А. Бузуев отмечает: «Противопостав-
ление Аввакума боярину Пашкову, и в ито-
ге – царю, определяет динамику идейного
развития конфликта поэмы, создает ее вне-
шний, исторический фон, на котором разыг-
рывается трагедия русской женщины. В пол-
ной мере все тяготы и лишения, выпавшие
на долю Аввакума, переживает с ним “ми-
лая Марковна”, ставшая символом христи-
анского долготерпения и кротости»¹⁰.

В сердце Марковны нет этой воли литой, –
Вся в слезах, опустилися рученьки:
Пусть не примет супруг высшей доли святой,
Лишь бы только не вышел и в мученики!

И услышал Господь: воротил Еремей
Палачей, заступиться торопится.
Сколько яростных дней, сколько страшных
ночей
Ты осилила, протопопица!

Основу пространственно-временных
оппозиций в рамках композиционного чле-
нения поэм Мережковского, Волошина и
Несмелова составляет бинарное противо-
поставление образов «тюрьмы» и «воли». Образная парадигма «тюрьмы» представ-
лена следующими вариантами: темница,
подземелье, конура. У М. Волошина этот
ряд дополняется образами «палатки» и бо-
ярского терема. Основными атрибутами
данного пространства являются ограничен-
ность и в то же время проницаемость, мрак,
звук цепей. Время в тюрьме будто остано-
вилось. Пространство воли, напротив, об-
ладает свойствами простора, дальней про-
тяженности, время здесь движется многи-
ми событиями. Но отметим, что мрак тюр-
мы в восприятии героя озарен светом ис-
тинной веры и подвижничества, а звон кан-
далов сливается с ангельским пением, ко-
торое протопоп Аввакум слышит всякий
раз, когда его одолевают отчаяние и сомне-
ния в верности сделанного выбора.

Вдруг на небе как-то чудно посветлело,
и порой
Словно ангельское пенье проносилось над
землей.
И светло в душе и тихо: темной ночью
под дождем
Как дитя в спокойной люльке, – я в доща-
нике моем.
Д. С. Мережковский

Что уж все рассудил благодатный Иисус,
Кормчий праведных, парус кораблика...
И уже на губах Аввакумовых вкус
Бесподобного райского яблока.
А. Несмелов

За пределами тюрьмы, где заключен
Аввакум, свет веры угас, наступила «зима
еретическая».

Подобная организация пространственно-временных рамок поддерживается за счет развития образных рядов «тьмы» и «света». С образной парадигмой «света», который часто ассоциируется с христианскими идеалами героя, коррелируют образы огня с разной семантикой.

У Мережковского протопоп Аввакум назван «огнепальным» в силу активности, неистовства своего характера. Во многом этим эпитетом он обязан такой черте своего характера, как вспыльчивость.

Сорок мудрых иереев издевались надо мной,
И разжегся дух мой гневом – поднял крест я
над главой.

По мере движения сюжета поэмы «огонь» в душе героя сменяется светом любви и безмятежности, что находит свое разрешение по завершении композиционного кольца. Здесь в силу вступает такой важный элемент поэтики данного произведения, как принцип перехода героя от созерцания к действию. Наблюдая за красотой мира и проявлением любви Божьей ко всему живому, Аввакум приходит к представлению о христианских нормах как непреложном нравственном законе и претворяет этот закон в жизнь. Так, после размышлений Аввакума о любви и милосердии в эпизоде с «курочкой черненькой» следует эпизод укрывания беглого каторжника, где герой ясно и твердо заявляет свою позицию: «Согрешил я против воли: я не мог его предать».

В поэме Волошина образ огня наполняется религиозно-мистическим, отчасти даже мистериальным значением. Огонь здесь предстает как квинтэссенция человеческой души: Аввакум осознает самого себя как огонь, «одетый пеплом плоти», и утверждает наличие подобной сущности в основе каждого живущего на земле:

Э, милые! Да если б Богу угодно было
Душу каждого разоблачить из пепла,
Так вся земля б растаяла...

Внутренний огонь, по мысли Волошина, реализуется в молитвах, придавая им силу и убедительность: «А я молитвами да

бденьеми свечу / На весь крещеный мир». Кроме того, образный ряд огня в поэме реализует метафору корабля как жизненного пути героя, также имеющую важное композиционное значение:

Построен сруб, соломою накладен:
Корабль мой огненный –
На родину мне ехать...

У Несмелова протопоп назван «огнеглазым», что одновременно подчеркивает его прозорливость, предчувствие своей высокой судьбы и очистительное горение за «веру предков». О. А. Бузуев отмечает: «Судьбу “огнеглазого” протопопа и его смерть на костре Несмелов ставит в один ряд с событиями, имеющими общерусское значение»¹¹.

И топили его, и палили в него,
И под угол бросали избитого,
И сгорит протопоп в купине огневой,
И Россию костер опалит его.

Примечательно здесь, во-первых, усиление провиденциальных мотивов, а во-вторых, использование библейского образа «Неопалимой Купины», центрального для поэтики М. Волошина, хотя достоверно неизвестно, был ли Несмелов знаком с предшествующими переложениями «Жития».

Поэма как синтетический лиро-эпический жанр предоставляет широкие возможности для художественной трансформации образа. И Мережковский, и Волошин, и Несмелов, отбирая и вводя в состав художественной структуры те или иные эпизоды «Жития», придерживаются основного принципа соотнесения событий жизни героя с этапами его духовного становления. Различен сам вектор этого становления, задаваемый каждым автором.

А. И. Мазунин в своей статье «Три стихотворных переложения “Жития” протопопа Аввакума», анализируя поэму Несмелова, пишет: «Личность самого Аввакума нужна автору только как пример сильного характера, который можно противопоставить измелчавшим потомкам»¹². Таким образом, весь художественный материал

поэмы сводится к биографии «страдальца за веру», что, на наш взгляд, совершенно не правомерно. Аввакум в поэме Несмелова тоже проходит нелегкий путь, закаляя и укрепляя свой дух для борьбы. Непреклонность Аввакума в борьбе не выглядит столь решительной, когда он думает о судьбе своей семьи, и только «благословение» Марковны возвращает ему душевный покой и уверенность. Ее душевная твердость представляет своего рода залог грядущей святости Аввакума, вот почему так важна деталь в финальной главке поэмы – взгляд Аввакума, «глаза, струящие тепло».

О поэме Мережковского Мазунин пишет следующее: «Поэма... в которой Аввакум показан только смиренным страдальцем и мучеником, примирившимся со своей судьбой и врагами, слишком обедняет и принижает образ протопопа»¹³. Но такое понимание страдает однобокостью и тенденциозностью. Аввакум у Мережковского ни в коей мере не отказывается от своей борьбы и не страшится скорой смерти. Но перед своим уходом он желает очистить душу от злобы и ненависти даже по отношению к своим врагам. Его путь от созерцания красоты мира и проявлений в нем высшего разума и добра приводит его к мысли о необходимости принятия христианского идеала как руководства в жизни.

Характерна смена повествовательного ракурса – расширение субъективной точки зрения лирического героя, имеющее место в построении узловых композиционных моментов поэмы, когда необходимо отстраненно осмыслить происходящее, не без некоторой доли самоиронии.

В поэме М. Волошина герой действует как философ-мистик, на своем примере показывающий тернистый путь человеческой души от телесно-материального к возвышенно-духовному, от «скверны» к «свечению». Путь осуществляется через осознание своей греховности и покаяние, сопряжен с нравственными и физическими муками, за которые в горнем мире ждет справедливая награда. Отсюда до предела натуралистичные описания пыток, которым подвергаются Аввакум и его последователи, мысль о смерти как о возвращении «на родину».

Таким образом, выявление специфики «чужого» текста в художественном переложении талантливых представителей русской поэзии позволяет наиболее полно раскрыть их творческую индивидуальность в освоении исторической темы. Сравнительно-типологический анализ функционирования произведений, объединенных образами лирических героев (Аввакум, Марковна), открывает перспективу их интерпретации в контексте общего развития отечественной поэзии первой половины XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1968.

² Там же. С. 468.

³ *Робинсон А. Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963.

⁴ *Демкова Н. С.* «Житие» протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. В подтверждение своей точки зрения исследователь приводит примеры из обширного корпуса текстов древнерусской литературы.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 147.

⁹ Там же. С. 152. Ассоциативную связь произведения с жанрами народного эпоса отмечают и другие исследователи «Жития» протопопа Аввакума, в частности Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон, П. Паскаль и др.

¹⁰ *Бузуев О. А.* Поэзия А. Несмелова. Комсомольск-на-Амуре, 2004. С. 77.

¹¹ Там же. С. 76.

¹² *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 14. Л., 1958.

¹³ Там же. С. 408.